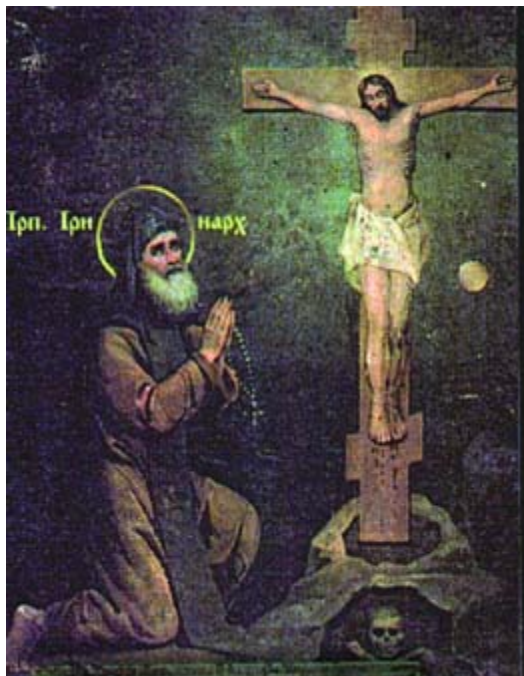

**ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИРИНАРХА,
затворника**

ПРЕПОДОБНЫЙ Иринарх родился в Ростовской области, в селе Кондаково. Родители его были крестьяне, отец по имени Акиндин, мать по имени Ирина.

Во святом крещении младенцу дано было имя Илия. Ребенок рос быстро: двадцати недель он начал ходить. Родители воспитывали сына в чистоте христианской веры. Ребенок возлюбил смирение и кротость, был тих, ко всем относился ласково. Будучи шести лет, он однажды сказал матери: «Как вырасту, так постригусь и стану монахом; буду носить на себе железа и трудиться ради Бога, и буду учителем всем людям». Удивилась мать таким речам малолетнего сына, но и обрадовалась. Эти пророчесственные слова шестилетнего ребенка впоследствии сбылись в точности.

Случилось, что отец Ильи позвал на обед своего сельского священника, именем Василия. За столом священник рассказывал житие преподобного Макария, Калязинского чудотворца. Прислушиваясь, Илия вдруг сказал: «И я буду таким же монахом». Священник Василий удивился, видя ребенка, говорящего речи, приличные взрослому, и строго сказал: «Как ты, чадо, осмелился сказать такое слово?» Илия отвечал: «Кто тебя не боится, тот это и говорит».

До восемнадцати лет Илия рос при своих родителях. Когда в округе наступил голод, он отправился на заработки к Нижнему Новгороду. Два года не возвращался домой и не давал о себе вести. Родители решили отыскать его и послали двух старших сыновей Андрея и Давида. Братья нашли Илью близ Нижнего в селении, где он работал у крестьянина; обрадовавшись встрече, они остались с ним. Сидя однажды вместе с другими в комнате, Илия стал неутешно плакать. Все изумились и спрашивали о причине. Он отвечал им: «Вижу преставление своего отца; несут родителя моего светлые юноши на погребение». Все дивились, как он мог видеть за триста верст. Когда в том же году Илия возвратился домой и спросил мать об отце, то услышал, что отец его преставился в Успенский пост того же года. Припомнил он видение и сказал матери: «В то время я видел родителя моего: несли его светлые юноши на погребение». Мать утешилась, слыша необычные речи сына.

После смерти отца Илия с матерью и старшим братом Андреем переселились в город Ростов, купили дом и завели торговлю, чем вскоре увеличили свое благосостояние. Илия, всегда имевший страх Божий в своем сердце, особенно стал прилежать к церкви и творить милостыню нищим. Строго соблюдая девственную чистоту, он желал совершенно оставить мирскую жизнь и принять ангельский образ, неуклонно посещая церковь Божию. Он познакомился с одним человеком, купеческого звания, по имени Агафоником,

любившим читать книги, подружился с ним и стал постоянно беседовать о Божественном Писании, ища душевного спасения.

Подготовившись таким образом, Илия взял святой крест, благословился им и собрался в путь. На вопрос матери, куда он собрался, Илия ответил: «Иду в монастырь ко святым страстотерпцам Борису и Глебу на Устье помолиться». Мать стала плакать, но вспомнила, как сын, будучи только шести лет, говорил, что будет монахом. Сын поклонился матери, облобызал ее и отправился в путь.

Приблизившись к монастырю Бориса и Глеба и увидев его, Илия возрадовался от всего сердца и направился к игумену, поклонился и попросил благословения. Игумен благословил и спросил: «Зачем, чадо, ты пришел сюда?» Илия отвечал: «Желаю, отче, ангельского образа, постриги меня Бога ради, невежду и селянина, и причти к избранному Христову стаду и ко святой дружине твоей!» Игумен сердечными глазами узрел, что юноша пришел от Бога, и принял его с радостью, постриг в ангельский образ и нарек ему в иночестве имя — Иринарх. Игумен, по монастырскому обычаю, отдал Иринарха под начало старцу, у которого молодой инок и стал пребывать в послушании и покорении, в посте и молитве.

После первого послушания игумен для испытания и смирения послал Иринарха в пекарню, где он трудился на братию день и ночь, нисколько не заботясь ни о чем телесном и никогда не уклоняясь от посещения церкви Божией, куда приходил прежде всех братий; стоя в церкви, он ни с кем не разговаривал; во время чтений не садился, а всегда выстаивал на ногах, как твердый камень, и никогда не выходил из церкви до отпуста.

Узнав о пострижении Илии, Агафоник пришел в монастырь и пробыл у Иринарха немало дней. Проводив друга за монастырь и возвращаясь назад, Иринарх размышлял о том, как бы ему спастись, и давал обещание идти в Кириллов Белозерский монастырь, или в Соловецкий. И послышался ему голос свыше: «Не ходи ни в Кириллов, ни на Соловки, здесь спасешься!» Он усомнился относительно этого голоса, но услышал вторично: «Здесь спасешься!» Иринарх убоился, стал плакать и помышлять, что сие означает. И в третий раз он услышал тот же голос:

«Здесь спасешься!» Осмотревшись кругом, Иринарх никого не увидел и укрепился в той мысли, что голос был ему откровением свыше.

В монастыре он стал трудиться в прежнем послушании, предаваясь по ночам молитве и бдению, ненадолго ложась спать прямо на земле. После сего послушания игумен назначил Иринарха в пономарскую службу. Раз Иринарх увидел босого странника; сжалившись над ним, обратился к Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, сотворивший небо и землю и первого человека, прародителя нашего Адама, по образу Своему, и почтивший его теплотою в святом рае, да будет воля Твоя святая со мною, рабом Твоим: дай, Господи, теплоту ногам моим, чтобы я мог помиловать сего странника и дать с себя сапоги на ноги его!» Сняв с себя сапоги, Иринарх отдал их нищему. С того часа Бог дал ему терпение и теплоту: он стал босой ходить по морозу, как в теплой келье; и одежды стал носить ветхие.

Такое поведение Иринарха, по внушению диавольскому, неугодно было игумену, который начал смирять подвижника различными способами. Так, часа на два на морозе ставил его на молитву против оконца своей келии и потом заставлял подолгу благовестить на колокольне. Иринарх все переносил с кротостью, помня слово Господне, «яко многими

скорбми подобает нам внити в Царство Небесное» (Деян. 14, 22). После сего игумен посадил Иринарха на три дня в заключение, не давал ни есть, ни пить, — чтобы заставить носить новую одежду и ходить в обуви. Это не помогло. Тогда игумен послал его на прежнюю службу. Иринарх продолжал ходить босой по морозу, подражая терпению Исаака Сирина, у которого ноги примерзали к камню, между тем как он не чувствовал холода.

Услышал Иринарх, что в Ростове стоит на правеже от заимодавцев один христоролюбивый человек, и захотел помочь ему. Босой пошел он в Ростов, а был лютей мороз. Отошедши от монастыря верст семь, Иринарх отморозил у ног пальцы и вернулся. Три года он проболел ногами, на которых образовались раны и текла кровь, но и в болезни он не оставлял своего правила и трудился для Бога. Когда Господь исцелил Иринарха от болезни, он по-прежнему и зимой и летом ходил без обуви, и по-прежнему игумен за сие смирял его. Он решил теперь послать Иринарха на работы вне монастыря. Это отлучение или отгнание от храма Божия сильно огорчило подвижника: он не стерпел такого гонения и решился уйти из Борисо-Глебского монастыря.

Иринарх ушел в Ростов и направился в Авраамиев Богоявленский монастырь. Принятый с радостью архимандритом, остался в числе братии и был назначен келарем. Иринарх трудился для братии, не оставляя при этом никакой церковной службы. Состоя келарем, он видел, как братия и монастырские служители брали без меры и без воздержания всякие потребы и истощали монастырское достояние. Видя это, он внутренне вздыхал и молился: «Преподобный Авраамий, не я твоему монастырю разоритель!» Раз во сне Иринарх видит: в келью входит преподобный Авраамий и говорит: «Что скорбишь, избранное и праведное семя и житель святого рая, что скорбишь о монастырских выдачах? Давай им безвозбранно, ибо они захотели здесь жить пространно, а ты алчешь и негодуешь; и ты в вышнем царствии поживешь пространно и насладишься пищи небесной, а они взалчут во веки. Что же касается здешнего места, то я умолил и упросил Всевышнего Творца, чтобы дом мой был неоскуден монастырскими потребами алчущим и здесь живущим». С того времени он утешился и выдавал без всякого сомнения.

Однажды, стоя в церкви на литургии, во время Херувимской песни, Иринарх заплакал. Изумленный архимандрит спросил: «Что ты, честный старец, так рыдаешь?» — «Мать моя преставилась!» — отвечал Иринарх. Архимандрит удивился. Еще не окончилась литургия, как пришел к Иринарху брат Андрей и сообщил, что мать их Ирина преставилась. Вернувшись после погребения матери в Авраамиев монастырь, Иринарх стал размышлять об ином пути спасения: келарское служение ему казалось высоким и почетным, ему же хотелось подвизаться в уничижении и смирении.

Оставив Авраамиев Богоявленский монастырь, Иринарх перешел в ростовский монастырь святого Лазаря. В уединенной келье прожил три года и шесть месяцев, пребывая в слезах, молитвах, скорби и тесноте, терпя голод, ничего не вкушая подряд по несколько дней. Часто навещал его преподобный Иоанн юродивый. Подвижники находили утешение в духовной беседе. Старец Иринарх неопустительно посещал церковь Божию и часто ходил в соборную церковь Пресвятой Богородицы и молился со слезами.

Раз, возвратившись с церковной службы, он молился в келье страстотерпцам Христовым Борису и Глебу и взывал: «Святые страстотерпцы Борис и Глеб, и вся монастырская братия! Есть у вас в монастыре много места, а мне грешному места нет». Задремал и в тонком сне видит, идут к монастырю Лазареву святые страстотерпцы. «Далеко ли идете, святые страстотерпцы Борис и Глеб?» — «Идем, старец, за тобой,—

отвечают они,— поди в наш монастырь!» Иринарх пробудился и слышит, что у окна кто-то творит молитву. Отворив оконце, увидел старца Борисо-Глебского монастыря, по имени Ефрема, который сказал: «Отче, прислал меня к тебе строитель Варлаам: поди к нам в монастырь на свое обещание, строитель спрашивает подвода ли тебе нужна, или сам придешь в монастырь?» Старец Иринарх отвечал: «Господину строителю Варлааму мир и благословение, а я со временем сам приду в монастырь». А в это время он носил уже на себе тяжелые вериги.

Вскоре он собрался и с великой радостью пошел в Борисо-Глебский монастырь. На пути он присел отдохнуть и заснул. Во сне видит: подползла к нему змея и хотела ужалить, он же ударил ее своим посохом в гортань. Старец пробудился, встал, перекрестился и пошел далее. Завидев монастырь, он возрадовался от всего сердца и горячо помолился. Строитель Варлаам был рад Иринарху, с любовью облобызал его. По зависти диавольской один старец подошел и сказал строителю: «Зачем ты принял старца, ведь он игумена не слушает, в ветхих и худых ризах и бос ходит, и железа на себе многие носит». Но строитель Варлаам своим посохом отстранил действовавшего по навету диавола и принял вновь Иринарха в монастырь с радостью и дал ему отдельную келью.

Преподобный Иринарх неопустительно ходил в церковь и усердно молился пред святыми иконами. Особенно часто взирал он на изображение распятия Господа нашего Иисуса Христа и его страданий. Стоя однажды пред иконою, он в слезах обратился с молитвою: «Праведное солнце, свет наш пресветлый, Владыко Человеколюбче, Иисусе Христе! Ты, Господи, претерпел такое великое страдание и распятие, и поругание, и оплевание, и по ланите ударение, и оцта и желчи напоение, и для нашего спасения все претерпел сие от Своего же создания, от неразумного и беззаконного соборища иудейского и от зависти людей сих! Ныне, Господи, открой, как мне грешному и неразумному поселянину спастись и Тебе единому Иисусу Христу, Сыну Божию, распятому и нераздельно со Отцом и Святым Духом в Троице славимому, угодить! Да будет воля Твоя, Владыко, надо мною!» И в тот же час было Иринарху извещение: «Иди в келью свою, будь затворником и не исходи, так и спасешься!»

Иринарх отправился к строителю Варлааму и просил у него благословения на затвор — неисходно молиться в келье, по евангельскому слову Господню: «Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное (Деян 14, 22); иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю (Марк 8, 35); блажени алчущие ныне, яко насытитесь» (Лук. 6, 21). Строитель Варлаам благословил его. «И прославил Бог российскую землю и дом великих страсотерпцев Христовых Бориса и Глеба и преподобных отцов наших Феодора и Павла в нынешнее время! — восклицает составитель жития, ученик Иринархов, инок Александр, — прославил досточудными мужами, и страдальцами, и учителями, и наставниками!» С тех пор Иринарх с дерзновением принялся за новый подвиг, стал молиться в келье неисходно, поминая иноков древних и первых времен, как они по дебрям, по островам, и в вертепах жили, не любили тленного мира и не хотели и смотреть на суету его.

Начав подвиг, Иринарх сковал себе железную цепь в три сажени длины и приковался к деревянному стулу. Все движение его ограничивалось только размерами этой цепи. Он наложил на себя и другие железные тяжести и трудился в них в поте лица. Много претерпел он поругания и посмеяния от братии, но переносил сие с кротостью и молился за них Богу: «Господи Иисусе Христе! Не поставь им в грех сие, не ведят, что творят рабы твои, Владыко!»

Пришел к Иринаруху некто, именем Алексей, и поревновал житию его — многим страданиям, посту, молитве, крепости, смирению и тяжким веригам. Он стал умолять Иринарха принять к себе и научить заповедям Господним. Старец, видя, что желание исходит от чистого сердца, принял пришельца с любовью, призвал священника и диакона, велел постричь его и нарек имя — Александр. Александр стал первым учеником Иринарха и прожил все время с ним в келье под его началом с послушанием и радением, в посте и молитве день и ночь.

Навестил Иринарха давний друг его, блаженный Иоанн, ростовский и московский юродивый, по прозванию Большой колпак. «Сделай себе сто крестов, по полугривенке весом», — сказал он. «Невозможно мне, бедному, сделать столько, — отвечал Иринарх, — в нищете нахожусь». Иоанн возразил: «Это не мои слова, а от Господа Бога: небо и земля мимоидут, словеса же Господни не мимоидут (Матф. 24, 35), все сказанное сбудется. Бог тебе поможет». Много говорил Иоанн старцу: «Не дивись тому, что так будет с тобою; устами человеческими невозможно выразить, или исписать всего. Бог даст тебе коня, и на том от Бога данном коне никто, кроме тебя, не сможет ездить и сесть на твоём месте после тебя». Иносказательное пророчество Иоанна о великих и тяжких подвигах Иринарха сбылось. Прощаясь с Иринархом, Иоанн поведал следующее: «Господь Бог заповедал верным ученикам Своим от востока и до запада наставлять и научать людей, отводить мир от беззаконного пьянства. За это пьянство Господь наведет на нашу землю иноплемennых. И эти иноплемennики подивятся твоему многому страданию; меч их не повредит тебе, и они прославят тебя более верных. А я иду в Москву к царю просить себе земли: там у меня на Москве столько будет видимых и невидимых бесов, что едва можно будет поставить хмелевые тычки. Но всех изгонит Своею силою Святая Троица». Так говорил блаженный Иоанн о предстоявшей кончине своей и о нашествии на Москву Литвы.

Иринарх стал еще усерднее трудиться и молиться и все думал о крестах. Приснилось ему, что пришел друг и дал медный крест, а другой — палицу железную. И что же? Спустя несколько дней приходит посадский человек Иван и приносит, по пророчеству блаженного Иоанна, честный крест, из которого Иринарх слил сто крестов, возблагодарив Бога и Блаженного Иоанна. Другой же друг, по имени Василий, дал ему палицу железную, которую Иринарх присоединил к прочим своим «трудам», которые носил.

В Борисо-Глебском монастыре старец Леонтий поревновал добродетели и трудам старца Иринарха, подобно ему, сковал себя железными и носил на себе тридцать три медных креста. Кресты эти он передал ученику Иринарха Александру, а сам попросил у старца благословение идти в пустыню. Иринарх уговаривал его в пустыню не уходить, чтобы не быть убитым разбойниками, но Леонтий был настойчив. Не будучи в силах убедить его, Иринарх благословил, но, прощаясь, сказал ему со слезами: «Дорогое чадо, Леонтий! Ты уже не возвратишься сюда за честными крестами». «Если так, — отвечал тот, — пусть кресты мои останутся тебе!» Леонтий отправился в Переяславский уезд в монастырь Пресвятой Богородицы, на Курбуй, и был убит разбойниками. Кресты Леонтия Иринарх присоединил к крестам своих трудов; стало их сто сорок два. Трудился старец на цепи в три сажени шесть лет; из города Углича прислали старцу цепь также трех сажень, и в этих двух цепях Иринарх трудился двенадцать лет. Старец Борисо-Глебского монастыря Феодорит сделал себе железную цепь трех сажень и трудился в ней двадцать лет и пять недель, но игумен Гермоген приказал ему ходить на монастырские службы, трудиться на братию. Феодорит отдал свою цепь Иринаруху, у которого, таким образом, цепь стала в девять сажень, и в такой цепи он продолжал трудиться. Всего в цепях он провел двадцать пять лет.

Суровая жизнь Иринарха и строгое учительное слово его служили обличением для некоторых иноков, нарушавших обеты. Они, подстрекаемые вражеским внушением, приступили к игумену Гермогену: «Старец Иринарх сидит в затворе и постится, носит на себе многие тяжелые железа, не пьет хмельного и мало ест, да и братию учит делать то же: пребывать в «трудах» и поститься, хмельного и в уста не брать, говоря, что это есть самое большое зло; следует, говорит, монахам быть, как ангелам, ни о чем не скорбеть и плоти своей не щадить: многими скорбми подобает нам внити в Царство Небесное (Деян. 14, 22); не велит братии ходить в службы, то есть работы монастырские, а полагает на них «труды великие»». Игумен Гермоген внял наветам, сослал старца Иринарха из монастыря, не убоившись Бога. Подвижник смиренно покорился, поминая слово Господне: если вас изгонят из дома, идите в другой, а Я с вами до скончания века (Матф. 10, 23; 28, 20).

Изгнанный из Борисо-Глебского монастыря, Иринарх направился в Ростов и снова поселился в монастыре святого Лазаря, где провел год и две недели, пребывая непрестанно в посте и молитве и помышляя о смертном часе. Между тем игумен Гермоген сознал свой несправедливый поступок, покаялся перед братией и послал инока звать Иринарха обратно. Посланный сказал: «Отче, не помяни нашей вины пред тобой, пойдти на свое обещание, в наш монастырь, ко святым страстотерпцам Борису и Глебу».

Старец Иринарх возвратился в монастырь, молясь: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не лиши меня вечных Твоих благ, дай мне, грешному старцу, дотерпеть свое обещание». Возлагая всю вину на себя, он говорил: «Господи, я живу в темнице сей вопреки братии; они праведны и праведные труды Тебе приносят, я же, смрадный, лишен добродетели». Вошел он в келью, вновь возложил на себя железные «труды» и стал подвизаться, молясь за царя и православных христиан и любя ненавидящих его.

Господь даровал Иринарху прозорливость. Многие люди приходили к нему и просили, и получали благословение; приносили ему милостыню; он принимал и с радостью раздавал нищим и странникам. Всех входящих учил заповедям Господним, отводя от грехов и обличая тайные согрешения. В Борисо-Глебском монастыре был старец по имени Тихон. Помыслив о том, как ему угодить Богу, он сделал себе «труды», сковал железную цепь и в этих «трудах» сидел семь лет. Когда началось опустошение и разорение русских городов польскими и литовскими панами, предсказанное Иринарху блаженным юродивым Иоанном, старец Тихон убоился и удалился из монастыря, а свою железную цепь отдал Иринарху, так что у него цепь стала уже в двадцать сажень. В этой длинной цепи Иринарх продолжал трудиться по-прежнему, не давая рукам своим покоя вязал волосяные свитки, клобуки, приготавливал на нищих одеяние. Он постоянно подавал нищим, помогал нуждающимся, защищал слабых и молился за всех Богу. Он иногда подолгу совсем не видел людей и от тяжелых подвигов впадал в болезнь, которой радовался, и благодарил Бога. Спал ночью два-три часа, а тело свое бил железною палицею, творя молитву.

Еще до нашествия Литвы, во время тонкого сна, Иринарху было видение: Москва разорена литвою, все Российское царство пленено и пожжено. Проснувшись, он стал неутешно плакать о предстоящем пленении и разорении святых Божиих церквей. Когда несколько утешился, вдруг облистал его сверху свет, и послышался голос: «Поди к Москве и поведай, что все так будет». Он осенил себя крестным знаменем и сотворил молитву. Послышался вторично тот же голос: «Так будет!» Старец вторично перекрестился и стал молиться: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй меня грешного от искушения: я — раб Отца и Сына и Святого Духа и не желаю ничего на свете сем видеть». Но тот же голос в третий раз послышался: «Не ослушайся и делай по сему гласу: все будет так роду сему непокоривому». Убоился старец видения и глагола свыше,

призвал игумена, поведал ему все. Игумен велел ехать к Москве и возвестить царю Василию Иоанновичу (Шуйскому), что царству московскому и всей русской земле предстоит пленение.

Старец Иринарх отправился в Москву. По дороге в Переяславле он остановился у Никитского монастыря и послал за своим другом диаконом Онуфрием, а сам пошел помолиться к мощам. У Онуфрия в то время была сильная лихорадка. Считали, что болезнь произошла от козней дьявола, так как, по благословению старца Иринарха, Онуфрий уничтожил в Переяславле суеверное почитание большого камня, находившегося за Борисо-Глебским Переяславским монастырем. К этому камню ежегодно в праздник апостолов Петра и Павла собиралось множество народа. Диакон приказал повергнуть камень в яму. Этот подвиг Онуфрия многим не был угоден; благочестивый диакон терпел порицания, брань и насмешки; сверх того, постигла его и болезнь, — но все это диакон Онуфрий переносил с твердостью, уповая на милость Божию и помня час смертный. Едва Онуфрий вошел, как старец заметил его тяжкую болезнь. Облобызав, дал ему четверть хлеба, благословил и сказал: «От этого яства будь здоров!» И диакон сейчас же почувствовал облегчение.

В Москву Иринарх приехал вместе с учеником Александром. Приехали за час до рассвета. Утром отправились в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и помолились Владычице и чудотворцам Петру митрополиту и Ионе. Когда известили царя о приходе старца, он обрадовался и приказал Иринарху быть в Благовещенском соборе. Там старец помолился Пресвятой Богородице, благословил царя честным крестом и целовал его. Царь также целовал старца и подивился великим «трусам», которые он носил на себе.

Старец сказал царю Василию Иоанновичу: «Господь Бог открыл мне, грешному старцу: я видел Москву, плененную ляхами, и все Российское государство. И вот, оставя многолетнее сиденье в темнице, пришел к тебе возвестить сие. И ты стой за веру Христову мужеством и храбростью». Сказав сие, Иринарх направился вон из церкви. Царь Василий Иоаннович взял старца под руку, а ученик его Александр под другую. Царь приказал дать старцу свой возок и конюха и проводить его до Борисо-Глебского монастыря. Иринарх пустился в обратный путь, пробыв в Москве всего двенадцать часов. Вернувшись в монастырь, Иринарх вновь предался трудам и подвигам, а конюха государева и возок отпустил к Москве, помолившись, чтобы Господь смиловался над Москвой, как древле над Ниневией.

Спустя немного времени после путешествия преподобного Иринарха в Москву и предсказания бедствий, явилась в русскую землю злая и свирепая литва. Литвою звали тогда всех подданных польско-литовского королевства: поляков или ляхов, собственно литовцев и русских из Белой и Малой Руси; в числе сих малорусов было много казаков. По вере почти все враги наши были католики или униаты, не щадившие православных храмов и святынь. Они стали пленить русскую землю и избивать жителей, завоевывали много городов, например выжгли город Дмитров, оскверняли церкви Божии, ниспровергали престолы святые, снимали с них одежды, обдирали с икон оклады, а самые иконы бросали, грабили книги, часто самые церкви сжигали. Многие из русских, боясь посещения, признавали их власть, давали дань и кормы. Им покорилось много городов. В 1609 году был взят город Ростов Великий и выжжен; соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы осквернена, раки великих чудотворцев Леонтия и Исаии и вся церковная утварь и казна были пограблены. Множество людей было посечено. Это было время, когда при царе Василии Иоанновиче Шуйском враги наши выставили второго Лжедмитрия и требовали покорности ему, или его покровителю, польскому королю.

Имея целью овладеть Москвой и царским престолом, враги собрались около Москвы и оттуда производили набеги. Второй самозванец устроил лагерь при деревне Тушино.

Не оставили враги и Борисо-Глебский монастырь. Воевода Микулинский, пововав Ростов, пожегши посады под Ярославлем, разорив Углич, пришел на Устье в монастырь к Борису и Глебу. Начали поляки испытывать веру Иринарха: «В кого веруешь?» — «Я верую во Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа», — отвечал он. «А земного царя кого имеешь?» Старец громогласно произнес. «Я имею Российского царя Василия Иоанновича. Живу в России, Российского царя имею, иного никого и нигде не имею». Один из панов сказал: «Ты, старец, изменник, ни в нашего короля, ни в Димитрия не веруешь». Старец отвечал: «Вашего меча тленного я нисколько не боюсь, и вере своей и Российскому царю не изменю, если за это меня посечешь, то я претерплю сие с радостью: не много во мне крови для вас, а у моего живого Бога есть такой меч, который посечет вас невидимо, без мяса и без крови, а души ваши пошлет в вечную муку». Пан Микулинский подивился: так велика была вера старца.

Спустя некоторое время стали собираться русские силы против врагов. Князь Михаил Скопин-Шуйский пришел из Новгорода с русскими и шведскими войсками и стал в Калязине против литвы. Из-под Троице-Сергиева монастыря пришел против него с войском пан Сапега. Но, Божию помощью, заступлением великих чудотворцев и по слову старцеву, Московская сила побила литву, и пан Сапега с своим войском отступил и остановился за два ночлега от Борисо-Глебского монастыря на Устье, намереваясь выжечь монастырь. Поднялась великая печаль, братия начали прощаться друг с другом, Старец Иринарх утешал своих учеников «Не убоимся пожжения и посечения от иноверных: если нас пожгут или посекут, то мы явимся новыми мучениками и получим венцы на небе от Христа Бога нашего!»

Затем Иринарх обратился с горячей молитвой к Господу Богу об избавлении от бедствия и о вселении в сердца врагов милости и жалости ко святой обители.

Пришел в монастырь пан ротмистр Кирбитский. В келье он благословился у старца и подивился трудам. Вернувшись к Сапеге, сказал: «В монастыре у Бориса и Глеба я нашел трех старцев скованных». Сапега пожелал видеть их и послал известить об этом. Иринарх ответил: «Если пан захочет посетить, то по своей воле приедет к нам». Сапега приехал в монастырь, вошел в келью и сказал: «Благослови, отче! Как ты терпишь такую великую муку?» Старец отвечал: «Бога ради сию темницу и муку терплю в келии сей». Многие из панов стали говорить Сапеге:

«Сей старец за нашего короля и за Димитрия Бога не молит, а молит за Шуйского царя». Старец возразил: «Я в России рожден и крещен, за русского царя и Бога молю». «Правда в батьке велика, — сказал Сапега, — в которой земле жить, тому царю и служить». «Ограбили тебя, старец?» — спросили паны. Старец отвечал: «Приехал лютый пан Сушинский и пограбил весь монастырь, не только меня, старца грешного». Сапега сказал: «За то пан Сушинский повешен».

После сего старец дал совет пану Сапеге: «Возвратись, господин, в свою землю: полно тебе в России воевать! Если же не уйдешь из России, или опять придешь в Россию и не послушаешь Божия слова, то будешь убит в России». Пан Сапега умилился и спросил: «Чем мне тебя одарить? Я ни здесь, ни в иных землях монаха такого крепкого и безбоязненного не видывал». Старец ответил: «Я Святому Духу не противник, от Святого Духа и питаюсь. И как Святой Дух тебе внушит, так то и сделаешь». Сапега сказал:

«Прости, отче»,— и, поклонившись, вышел с миром. Сапега прислал затем старцу на милостыню пять рублей денег и воспретил своему войску чем-либо вредить монастырю. Вскоре Сапега с ратью направился к Переяславлю, а в монастыре была великая радость, что Бог избавил от разорения; старец же непрестанно со слезами молил Бога об избавлении всей русской земли от пленения.

После победы под Калязином князь Михаил Шуйский начал преследовать литву и из Переяславля послал к старцу Иринарху за благословением. Иринарх благословил просфорой и крестом и наказал сказать: «Дерзай, и Бог поможет тебе!» Князь послал отряд в Александровскую слободу, и, с Божиею помощью, русские воины побили литву. Вскоре пошел туда и сам князь. Неприятели стали собираться против него из-под осажденного Троицкого монастыря и из-под Москвы. Узнав об этом, князь был озабочен и снова отправил гонца к преподобному Иринарху. Старец вновь послал ему благословение и велел сказать: «Дерзай, князь Михаил, и не бойся: Бог тебе поможет». И князь побил литву.

Затем Иринарх благословил князя идти под Троицу. Узнав об этом, Сапега направился к Дмитрову. Князь пришел благополучно к Троице, вошел в монастырь и помолился Пресвятой Троице и преподобному Сергию, воздавая славу Богу, Пресвятой Богородице и российским чудотворцам. Посланное войско разбило Сапегу под Дмитровом, и он бежал к Иосифову Волоколамскому монастырю. В то же время из Тушина бежал второй самозванец в Калугу, где впоследствии и был убит. После сих успехов князь Михаил от Троицы пришел в Москву, помолился в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы, приложился к образу Пресвятой Богородицы Владимирской и ракам чудотворцев и с радостью вернулся в свой дом.

Старец Иринарх, знавший о сих событиях, послал своего ученика Александра к князю Михаилу в Москву за честным крестом, который был дан ему на помощь и прогнание супостата. Князь отдал крест и послал старцу благословенное послание и дары. Александр все сие доставил своему учителю. Приняв с радостью святой крест, преподобный произнес такую молитву: «Слава тебе, Владыко Человеколюбче, Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, претерпевшему на сем честном и животворящем кресте распятие и смерть ради нашего спасения и показавшему сему нашему роду милость и чудеса от сего честного креста, помощь князю Михаилу на литву, на побеждение и прогнание, как древле при царе Константине на супостатов». Вскоре князь Михаил отошел ко Господу. Враг же рода человеческого, посрамленный от старца, замыслил против него новые козни.

В Борисо-Глебский монастырь от патриарха Гермогена был прислан новый игумен Симеон, оказавшийся лютым и невоздержным. Он приказал старцу Иринарху ходить в церковь молиться, старец же, нося на себе тяжкие железные «труды», не мог свободно пройти и по келье, иссушая плоть свою день и ночь в посте и молитве. Жестокосердый игумен Симеон, превосходя лютостию неверующих, пришел к старцу в келью с братиею и без милости отнял все, что было запасено. Остались только неотобранными четыре пуда меду, о чем и сказал старцу ученик Александр. Старец по этому случаю вспомнил о некоем отце затворнике, которого ограбили разбойники, оставив одну какую-то вещь; затворник догнал разбойников и сказал, что они не все забрали, разбойники умилились и все возвратили затворнику. Теперь же, когда, по приказанию Иринарха, ученик Александр сообщил игумену, что не все забрано, то игумен оказался не милостивее древних разбойников и забрал оставшееся.

В тот же вечер старец Иринарх видел юношу в белых ризах, который стоял близ него и, смотря на него, говорил о немилостивом поступке игумена, а потом вдруг исчез. Старец

всю ночь пробыл в молитве. Наутро снова пришел игумен к старцу в келью и приказал вывести его из кельи: четыре человека взяли его под руки и поволокли, а игумен с пятью другими людьми понес железную цепь. Когда волокли старца, то выломали ему левую руку и бросили его в трех сажнях от церкви. Старец пробыл в таком положении девять часов, молясь Господу Богу, чтобы Он не поставил сего гонителям его во грех, ибо все мнутя, не ведая, что творят. Учеников старца, Александра и Корнилия, удалили от Иринарха и разослали по другим кельям.

Когда Иринарх лежал один, явился ему юноша в светлых ризах и сказал. «Услышал Бог молитву твою и терпение твое: если испросишь чего, будет дано тебе». После сих слов юноша стал невидим. Между тем, ученик Иринархов Александр ночью пришел в прежнюю келью и обратился с молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Долго ли нам, Господи, в скорби сей быть с учителем своим и терпеть от сих зверообразных людей и пьяниц. Но да будет воля Твоя святая!» И от крестов честных был ему глас: «Иди к игумену и скажи ему: зачем противишься судьбам Божиим?» Старец Александр пришел в церковь к игумену и стал ему говорить: «Отпусти старца Иринарха в его келью, на обещание, вместе с его учениками, чтобы тебе не погубить свою душу, борясь против судеб Божиих». Игумен благословил старца и обоих учеников его. Старец пришел в келью, благодарил Бога за избавление от гонения и молился о даровании терпения. И свыше был ему голос: «Дерзай, страдалец мой, Я с тобою всегда: Я ждал твоего подвига, и терпению твоему дивились ангелы. Теперь уже больше не будет на тебя гонений, но ждет тебя уготованное тебе место в Царстве Небесном». Старец Иринарх слышал голос, но никого не видел, и в трепете творил слезную молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного и избави от искушения»,— и ограждал себя крестным знаменем. Вскоре игумен Симеон был удален из монастыря.

Между тем, по преставлении князя Скопина-Шуйского, литва ободрилась, враги собрались под Москву. Сами москвичи, под влиянием лести врагов, свели с престола царя Василия Шуйского и пустили в город ляхов, которые отправили бывшего царя в ссылку в Польшу. Москва подверглась пленению и разорению.

В 1612 году литва пришла в Ростов. От страха перед нею игумен Борисо-Глебского монастыря бежал со всего братиею на Белое озеро, а старец Иринарх с учениками своими остался в келье своей, молясь беспрестанно Богу. Литва заняла монастырь и пробыла в нем десять недель. Один из панов пришел раз к Иринарху и сказал: «Благослови, батько? А Сапега убит под Москвою, по твоему слову». Старец отвечал: «Подите и вы в свою землю — и будете живы; если же не уйдете из нашей земли, и вам быть убитыми!» Пан ушел и поведал слова Иринарха прочим всем панам. И стали паны приходить к старцу, и старец говорил им: «Подите в свою землю; если не пойдете, то будете убиты». Пришел к старцу сын воеводы за благословением идти в свою землю. Старец благословил; воеводин сын поклонился до земли, пошел к своему отцу и рассказал о благословении. Тогда и сам воевода Иоанн Каменский пришел к старцу в келью, поклонился до земли и сказал: «Благослови, батько, и меня идти в свою землю, как благословил сына моего». Старец благословил и его: «Только не трогай монастыря и братии и города Ростова». И пан Каменский ушел в свою землю, не тронув ни монастыря, ни города. В монастыре снова была радость.

Между тем, во всей земле было великое смятение и печаль, что в Москве засела литва. Везде, а особенно в Нижнем Новгороде молились о том, чтобы Господь Бог явил милость свою и очистил Москву от врагов. Нижегородцам был известен князь Димитрий Михайлович Пожарский, проживавший близ Нижнего. Они начали просить его, чтобы он шел к Москве и очистил ее от врагов, стали собирать и давать ему людей, деньги и запасы

на войну. В помощь и содействие выбрали нижегородского посадского человека Косму Минина. Военный предводитель и земский выборный были единомысленны в своих мыслях и все делали с общего совета и согласия. И Бог подал им помощь. Двинулись они со всею собранною силою к Ярославлю и остановились в нем. Из всех городов стали собираться к ним русские люди, желавшие постоять за веру и отечество.

Услышав о прибытии в Ярославль князя Дмитрия Михайловича Пожарского с войском, один из предводителей русского ополчения, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, прислал гонца, чтобы скорее шли под Москву. Но князь Пожарский и Косма Минин боялись: там среди русского ополчения не было единомыслия, и один из предводителей русского войска, Иван Заруцкий, убил под Москвою другого воеводу, Прокофия Петровича Ляпунова.

Старец Иринарх, за всем следивший и все понимавший, послал князю Пожарскому благословение и просфору и велел идти под Москву, не боясь Заруцкого. «Увидите славу Божию»,— наказывал старец сказать князю. Тогда без страха пошла вся рать к Москве. Остановку сделали в Ростове. Отсюда князь Пожарский и Косма Минин нарочно отправились в Борисо-Глебский монастырь, чтобы лично получить благословение от старца Иринарха. Старец благословил их в поход под Москву и дал крест свой на помощь. Приняв благословение, князь пошел с войском от Ростова к Переяславлю, а от Переяславля к Троице и преподобному Сергию.

От Троицы Пожарский послал князя Дмитрия Лопатина под Москву к князю Трубецкому. Трубецкой был рад, а Заруцкий из-под Москвы бежал. Между тем к засевшей в Москве литве подошли новые люди с запасами. Услышав об этом, князь Трубецкой послал гонца к князю Пожарскому, чтобы он шел скорее. Нижегородский воевода немедленно двинулся от Троицы к Москве. Помощию Божиею и заступничеством московских чудотворцев, русским удалось одолеть литву. После сего князь Пожарский овладел Китай-городом, немного времени спустя сдался кремль. И была в Москве радость великая, что Господь очистил Москву от литовских людей. В монастыре же Борисо-Глебском на Устье-реке была тогда большая печаль: монастырь был разорен и опустошен литовскими людьми, а между тем с него требовали больших даней. Игумен с братиею и с монастырскими крестьянами пришли к старцу Иринарху, чтобы он благословил ученика своего Александра отправить в Москву. Старец внял просьбе и отпустил ученика своего в Москву с челобитьем. Он повелел ему взять у князя Пожарского честный крест, данный на помощь против супостатов. Когда Александр прибыл в Москву, там была великая радость по случаю того, что король Польский из города Вязьмы ушел в свою землю.

Александр пришел к князю Пожарскому и передал ему от Иринарха благословение и просфору. Князь был рад прибытию посланца, вручил ему грамоту, чтобы не давать Борисо-Глебскому монастырю на ратных людей никаких запасов по причине литовского разорения. Александр взял ее и честный крест и возвратился в монастырь. Рад был игумен, получивши для монастыря льготу, рад был и преподобный Иринарх, когда Александр пришел в его келью, возвратил честный крест и справил поклон от князя.

По устройению Божию и по приговору всей земли — князей, бояр, воевод, преосвященных митрополитов, архимандритов и игуменов и прочих людей, в 1613 году на царский престол был избран юный князь Михаил Феодорович Романов и поставлен в цари на Москве обладателем над всеми русскими землями, и венчан был царским венцом. Вся Россия радовалась о новом желанном царе. Но еще во многих местах и городах была великая печаль от продолжавшихся разорений: главным образом отряды казаков проливали христианскую кровь и опустошали города и села. Для очищения земли от них

царь Михаил Феодорович послал князя Бориса Михайловича Лыкова с значительным войском. Князь Лыков направился в Ярославль. В это время литва и казаки пришли в село Даниловское (теперь — город Данилов). Князь Лыков прислал старца Иоакима к старцу Иринарху за благословением, как делали и прежние русские полководцы. Старец благословил князя просфорой и велел идти за литвою. Радуюсь благословению старца, князь две недели гнался за врагами, настиг их за Костромою и, с помощью Божией, побил, многих взял в плен и отправил в Москву. Отсюда Лыков возвратился к Вологде против казаков, которые грабили Вологодский и Белозерский уезды. Князь послал за ними погоню. Казаки направились в Углич. Лыков послал туда свои полки, которые прогнали казаков к Москве. Сам князь, направляясь к Москве вслед за врагами, зашел в Борисо-Глебский монастырь, помолился стратотерпцам Борису и Глебу и лично принял от старца Иринарха благословение. Двинувшись дальше к Москве, князь Лыков догнал казаков, забрал в плен и привел к царю. Велика была радость по случаю уничтожения казацкой грабительской шайки милостию Божиею и заступлением Пресвятой Богородицы и московских чудотворцев и молитвами и слезами затворника Иринарха.

С того времени настала на Руси тишина. Иринарх по-прежнему непрестанно слезно молился, постился, принимал странных и защищал обидимых от притеснения сильных.

Еще при жизни Бог прославил Своего угодника чудесами: его молитвами Бог исцелял больных и бесноватых, чудесную силу имело его благословение для приходивших к нему с верою. Александр, составитель жития Иринарха, записал девять чудес Божиих, совершенных молитвами борисоглебского затворника и страдальца при его жизни. К преподобному Иринарху приходили или были приводимы больные разными болезнями, особенно же одержимые духом нечистым. Старец молился, заставляя и больных молиться и поститься, возлагал на них свой честный крест, нередко налагал на больных часть своей цепи или приказывал лежать на сих цепях. Иногда издалека от больных посылали к Иринарху за благословением, которое он давал и вместе посылал просфору или крест, которым святили воду и давали ее больным пить. Так преподобный исцелил бесноватого из села Давыдова возложением на него своего креста; другой бесноватый из Вошажникова был исцелен, когда на буйного ученик Александр возложил старцеву цепь и привел больного к старцу и к образу Пресвятой Богородицы. На заболевшего исступлением ума в Борисо-Глебском монастыре воеводу, сына боярского Матфея Тихменева, преподобный Иринарх возложил свой крест и привязал к своей цепи, приставив для охраны двух воинов; так больной провел целую ночь, а утром старец послал воеводу в церковь молиться; от литургии больной пришел здоровым; но преподобный заповедал ему всю неделю поститься, ни мяса не есть, ни вина, ни пива не пить. Подобным же образом получил исцеление исступивший из ума в монастыре крестьянин Никифор: старец повелел возложить на него свой крест и цепь и приказал больному лечь на свои цепи, где он и спал целую ночь, — встал же совершенно здоровым. От питья или окропления водою, освященною посланным Иринархом крестом, получил исцеление от головной боли боярский сын Роман, от болезни глаз — крестьянская жена, от какой-то тяжелой болезни — жена подъячего в Москве, бесноватая женщина в Угличе.

Настало время кончины преподобного Иринарха. Праведный и многострадальный муж призвал учеников своих и сказал им: «Братья мои и спостники! Молю вас: вот ныне я отхожу от жизни сей к Господу Богу моему Иисусу Христу: помолитесь за меня Богу и Пречистой Богородице, дабы по преставлении моем душу мою взяли милостивые ангелы и дабы я избежал сетей вражиих и воздушных мытарств, вашими святыми молитвами, ибо я грешен. Вы же, господа мои, после моей смерти пребудьте в посте и молитве, в трудах, в бдении и слезах, а также в любви между собою без ропота, в послушании и повиновении,

ибо вы знаете Христову заповедь о блаженствах». Преподобный дал и много других наставлений своим ученикам.

Александр и Корнилий в горьких слезах взывали: «О добрый наш пастырь и учитель! Вот уже ныне видим тебя при последнем издыхании: к кому же прибегнем, от кого насладимся учением, кто попечется о наших грешных душах? Но молим тебя, если обретишь благодать перед Богом по отшествии своем от жизни сей, моли о нас неослабно Бога и Пречистую Богородицу, как угодно будет твоей святыне, ибо тебе известны все наши тайные страдания». Старец Иринарх сказал ученикам: «Я отхожу от вас телом, а духом с вами буду неразлучно». И прибавил: «Если кто начнет притеснять Сию обитель мою, свыше данную от Бога и искупленную и выпрошенную у игумена и братии, то пусть их судит Бог и Матерь Божия». Около отходящего находилась и братия монастырская. Дав прощение братии и ученикам о Христе и последнее целование, преподобный стал на молитву, долго молился и тихо отошел ко Господу.

Кончина преподобного Иринарха наступила в 1616 году января 13 дня на память святых мучеников Ермила и Стратоника с пятницы на субботу в девятом часу ночи. По благословению и повелению преосвященного митрополита Ростовского и Ярославского Кирилла погребение схимонаха Иринарха совершал борисоглебский игумен Петр и отец его духовный иеромонах Тихон, диакон Тит и ученики его старцы Александр и Корнилий. По завещанию преподобного Иринарха, гроб его положен в уготовленной им самим пещере.

После старца Иринарха осталось праведных «трудов» его: сто сорок два креста медных, семь пудов плечных, железная цепь в двадцать сажень, которую он надевал на шею, железные путы ножные, восемнадцать медных и железных оковцев, которые он носил на руках и на груди, связни, которые носил на поясе, весом в один пуд, палка железная, которою он смирял свое тело и прогонял невидимых бесов. В этих «трудах» праведных своих старец Иринарх прожил тридцать восемь лет и четыре месяца.

По преставлении преподобного Иринарха совершалось много чудес при его гробе. Составитель жития Александр записал тринадцать чудесных исцелений от разных недугов, особенно же от беснования. На больных обыкновенно возлагали животворящий крест трудов Иринарха, иногда цепь его или другие вериги. Брали землю от его гробницы и пили с нее воду. Нередко многие страждущие во время молебна преподобному Иринарху надевали на себя его тяжести, веруя в целебную их силу.

Изложено по тексту Четых-миней св. Дмитрия Ростовского. — М.: Синодальная типография, 1904 г.